

# ОТГОЛОСКИ ОССИАНИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XVIII–XIX вв.

З. С. Грек

*Белорусский государственный университет, г. Минск;*

*connorofmidfast@gmail.com;*

*науч. рук. – В. В. Халипов, канд. филол. наук, доц.*

В докладе анализируется влияние оссианизма на развитие русской литературы рубежа XVIII–XIX вв. Оссианизм во многом определил пути развития сентиментализма и романтизма; для многих русскоязычных читателей произведения в русле оссианизма являются возможностью познакомиться, хоть и отдалённо, с кельтским фольклором.

**Ключевые слова:** оссианизм; сентиментализм; преромантизм; литературные мистификации; Макферсон; Державин; Карамзин; Пушкин.

Прежде чем рассуждать о том, какое влияние оссианизм оказал на русскую литературу, стоит дать этому явлению определение и рассказать о нём немного подробнее.

Итак, оссианизм – это явление в литературе, распространившееся во второй половине XVIII в. и основанное на подражании стилю «Поэм Оссиана», литературной мистификации Джеймса Макферсона. Сами по себе «Поэмы», как и история их появления, заслуживают отдельного внимания [4].

Писать Макферсон начинает в конце 1750-х гг.; издаются его произведения «Горец» (1758) и «Отрывки древней поэзии, собранные в горах Шотландии» (1760). Как раз в 1760 году писатель и отправляется на поиски историй о легендарном герое-поэте Финне Мак Куле (он же Фингал), которые, как гласило предание, были созданы его сыном, Оссианом (здесь стоит особо подчеркнуть, что большинство читателей, в том числе и русскоязычных, знакомы именно с этим вариантом имени древнего барда, но в оригинале оно пишется как Oisín и читается – Ошинь; испытывая глубочайшее уважение к имени героя, мы, всё же, вынуждены будем в дальнейшем использовать более привычный нам вариант его имени). Учёные предполагают, что возможностей для подробного изучения всего, что было собрано поэтом, – возможностей что материальных, что временных – у Макферсона было крайне мало. Впрочем, вскоре после окончания поездки все материалы были успешно изданы, и вырученных средств хватило на ещё одну поездку. Таким образом увидели свет «Фингал» в 1762 г. и «Темора» в 1763 г.

В определённый момент раскрылась неприятная правда: найденные Макферсоном «подлинные» истории о Финне Мак Куле оказались не более, чем фальсификацией. Автора, разумеется, обвинили во лжи и антинаучности, и, хотя в дальнейшем он предпринимал попытки вернуться к творчеству – переводил «Илиаду» и «Одиссею» Гомера – больше

прежнего успеха не имел. Современные исследователи, правда, полагают, что созданные Макферсоном произведения – не такая уж выдумка, а скорее вольный пересказ реальных древних сюжетов, но репутация мистификатора, увы, прочно закрепилась за именем поэта. Его довольно легко осудить за фальсификацию, но есть в его творчестве и другая сторона.

Первая половина XVIII в. для Шотландии выдалась очень тяжёлой. Макферсон принадлежал к одному из тех кланов, которым самостоятельность Шотландии была важнее всего, – к одному из самых «мятежных» кланов. Мы думаем, уния с Англией, произошедшая в 1707 г., когда оба государства объединились на не вполне равных правах, а также страшные события якобитских восстаний и их последствия не могли не оказать на поэта определённого влияния. Рискнём предположить, что Макферсон прекрасно понимал, как на шотландской культуре отразится объединение двух держав, и обратился к Оссиану и известным ему сюжетам не столько и не только личной славы ради. Трудно сказать, по какой именно причине он вообще решился на такой ненадёжный ход, как мистификация: может, потому, что сам знал шотландский язык и был уверен, что мало кто сможет проверить подлинность его публикаций; может, он отдавал себе отчёт в том, что тайна будет раскрыта, но сделал ставку на то, что прежде чем это случится, имена барда Оссиана, храброго воина-мыслителя Финна Мак Кула, Оскара, Мальвины и многих других героев разлетятся по всему миру, а значит, не будут так запросто забыты. Так или иначе, результат нам известен: возможно, ненамеренно поэт значительно повлиял на развитие сентиментализма и оказался у истоков романтизма. Об Оссиане, как когда-то о короле Артуре или Тристане и Изольде, услышала вся Европа – и довольно скоро имя великого барда зазвучало и в Российской империи.

Российская интеллигенция впервые встретила с упоминанием одного из героев произведений Макферсона, Фингала, судя по всему, в первой половине 1760-х гг. (то есть ещё при жизни самого поэта). О нём упоминает И. А. Третьяков в своей речи о происхождении университетов Европы. Говоря об истории как о науке, которая изначально основывается на предании, оратор замечает: «В Англии недавно вышла книга, в которой содержится предание некоторого предревного героя Фингала; сказывают, что сие предание продолжалось от рода в род чрез множество веков. И наконец, один британец, которому галлической язык природной, собрав оное от читающих изустно на подлиннике стихами, перевел прозою на аглицкой язык». Впрочем, как считают исследователи, это упоминание вряд ли могло вызвать интерес у общества того времени. Рациональный и строгий классицизм занимал прочнейшие позиции в русской культуре, поэтому, видимо, писателям той эпохи понадобилось некоторое время, чтобы воспринять и оценить по достоинству литературное наследие Оссиана-Макферсона [2].

Возникает логичный вопрос: почему же означенное наследие находит, в конце концов, отклик в сердцах деятелей искусства? Мы видим несколько возможных причин, не исключающих друг друга.

Во-первых, в центре внимания классицистов находился разум. Именно с объективной точки зрения рассматривалось поведение человека (и персонажа того или иного произведения). Логично, что деятели искусства со временем предпочтение стали отдавать тем направлениям, которые уделяли больше внимания внутреннему миру человека: так, с середины 1770-х гг. в русскую литературу постепенно проникают идеи сентиментализма и преромантизма. Сперва популярность набирает творчество Эдуарда Юнга, затем получают широкое распространение работы Джеймса Томсона – и, наконец, очередь доходит до Джеймса Макферсона.

Во-вторых, благодаря классицизму литераторы привыкли к постоянному взаимодействию с наследием Античности, однако север Европы был для них загадкой – а потому, может быть, и привлёк в итоге их внимание. Довольно интересно то, что для многих писателей и земли кельтов (в первую очередь, Ирландия), и Скандинавия, и часто Финляндия (особенно благодаря стараниям К. Н. Батюшкова и Е. А. Баратынского, восхищённых последней до глубины души) казались единым культурным пространством.

Так, во многих произведениях реалии кельтского и скандинавского мира причудливым образом переплетаются между собой (более подробно это явление будет рассмотрено ниже на конкретных примерах). Иногда эти реалии, к тому же, отождествляются. К примеру, бардов и скальдов, певцов сурового Севера, не особо различали: А. С. Пушкин замечает, что «Скальд и бард – одно и то же, по крайней мере, для нашего воображения». Для человека, который вплотную занимается изучением культуры народов, славившихся своими скальдами и бардами, конечно, это близкие, но вовсе не одинаковые понятия. Для русских литераторов, в большинстве своём совершенно с этими культурами не знакомых, зато вдохновлённых ими и чувствовавших особую духовную связь с грозным и неизменно мечтательным Севером, это, как мы думаем, вполне простительно [1].

Среди писателей конца XVIII в. одним из первых к канонам классицизма обращается Г. Р. Державин. Этот интерес объясняется некоторыми моментами его биографии: он был современником восстания под предводительством Емельяна Пугачёва и русско-турецких войн, также на него серьёзное влияние оказала Великая французская революция. Буквально на его глазах всё возрастала военная мощь Российской империи, что воспринималось поэтом в трагическом свете и напрямую повлияло на его отдаление от канонов классицизма, особенно от воспевания монархии. К тому же его всё больше притягивала эстетика таинственного Севера. Эти два факта и явились причиной того, что в поэзии Державина, особенно

патриотической, начинает проявляться всё больше характерных для оссианизма черт. Так, например, его ода «На победы в Италии» начинается словами:

*Ударь во серебряный, священный,  
Далеко-звонкий, Валка! щит,  
Да гром твой, эхом повторенный,  
В жилище бардов восшумит.  
Встают. — Сто арф звучат струнами,  
Пред ними сто дубов горят,  
От чаши круговой зарями  
Седые чела в тьме блестят.*

Здесь, кстати, можно наблюдать подтверждение тому, что для многих русских литераторов кельтское и скандинавское культурные пространства были неразрывно связаны. Валка – это не кто иная как валькирия, одна из дев-воительниц скандинавской мифологии, и её одновременное с кельтскими бардами присутствие в стихотворении для писателя абсолютно естественно. Также, по всей видимости, Державин использует образы арф и дубов как ассоциации с культурой кельтов (здесь стоит вспомнить о том, что дуб ещё до христианизации имел для тех огромное значение, а традиционная арфа и по сей день является одним из символов Ирландии). Наконец, стоит подчеркнуть, что текст проникнут довольно мрачной («гром... восшумит», «зарями седые чела в тьме блестят») атмосферой, которая при этом сочетается с духом героизма (упоминания воительницы валькирии, бардов, которые воспоют героические деяния, описанные в произведении; также отсылка к древней традиции бить о щит мечом перед началом сражения). Всё это для оссианизма весьма характерно [2].

Отрывок из ещё одного произведения Державина также любопытен:

*Идет, — о зрелище прекрасно,  
Где, прямо верностью горя,  
Готово войско в брань бесстрашно!  
Встает меж их любезна прях:  
Все движутся на смерть послушно,  
Но не хотят великодушно  
Идти за вождем назад;  
Сверкают копьями, мечами:  
Как холм объемлетя волнами,  
Идет он с шумом — впереди.*

В отрыве от контекста может показаться, что поэт решил вдруг посвятить своё творение непосредственно какому-либо кельтскому или скандинавскому мифологическому или историческому сюжету. На самом деле отрывок взят из ещё одной оды Державина, «На переход Альпийских гор», которая была написана в 1799 г. и вдохновлена переходом российских войск А. В. Суворова через Альпы. Разумеется, писатель не пренебрегает историческими деталями: так, скажем, он и о самом полководце говорит

прямо, и упоминает правившего в то время императора Павла I – но при этом произведение написано вполне в традициях оссианизма.

Несколько иным – хоть и не противоположным – образом воспринимал творения Макферсона Н. М. Карамзин. Как тонко подмечает Ю. Д. Левин, «автору “Бедной Лизы” был близок главным образом оссианический психологизм, меланхолическая тональность “Поэм”, т. е. то, что объединяло их с сентиментализмом вообще» [2]. Присущее оссианической поэзии настроение светлой или радостной скорби не просто привлекало Карамзина, но и довольно серьёзно повлияло на его собственное творчество, оставив свои отпечатки во многих произведениях.

Одним из наиболее ярких, на мой взгляд, является «древняя баллада» Карамзина, «Раиса». Само определение «Раисы» как древней баллады намекает на то, какими именно произведениями вдохновлялся при написании литератор – и в этом же, смею предположить, можно увидеть один из «подступов» к романтизму. В балладе довольно очевидно просматриваются черты оссианизма: природа изображается яростной, бурной (описываются гроза со страшным ливнем); действие происходит ночью в лесу; сама героиня, глубоко скорбя о своём неверном возлюбленном и с огромным трепетом вспоминая те счастливые моменты, которые она переживала с ним ранее, пробивается сквозь дождь и колючие ветви деревьев. Раиса словно не обращает на эти помехи внимания, она погружена в свои тяжёлые мысли. Заканчивается баллада трагически:

*«...Теперь злосчастная Раиса  
Звала тебя в последний раз...  
Душа моя покоя жаждет...  
Прости!.. Будь счастлив без меня!»*

*Сказав сии слова, Раиса  
Низверглась в море. Грянул гром:  
Сим небо возвестило гибель  
Тому, кто погубил ее.*

Занятно, что черты оссианизма просматриваются и в прозаических произведениях Карамзина. Среди них – «Марфа-Посадница», «Наталья, боярская дочь», «Бедная Лиза» и другие. Впрочем, собственным творчеством писатель не ограничивался: в журналах, которые он издавал, регулярно появлялись его прозаические переводы «Поэм» (надо отметить, что Карамзин, в отличие от многих современников, был знаком сразу с английским текстом произведений, а не, скажем, с вольными переводами с французского), а также литературные переложения за авторством И. И. Дмитриева, В. В. Капниста и других известных в те времена писателей.

Итак, русские писатели стремились не только подражать Оссиану-Макферсону. Эстетика оссианизма прослеживается и в тех произведениях, которые были написаны вовсе не о древних воинах и бардах, но о вполне

современных авторам реалиях. Таким образом, эта эстетика на несколько десятилетий в литературе приживается.

Вместе с Державиным и Карамзиным – и после них также – многие литераторы обращались к оссианизму. Это и В. А. Озеров с его знаменитой трагедией «Фингал», и уже названные выше Батюшков и Баратынский, и Н. И. Гнедич, и П. А. Катенин, и В. А. Жуковский... Это лишь несколько имён, которые стали известны в том числе благодаря подражаниям и собственным интерпретациям произведений Макферсона. Как ни парадоксально, многие литературные деятели впоследствии смотрели на идеи оссианизма как на нечто унылое, однообразное, отжившее свой век, тогда как эти самые идеи в том числе и повлияли на развитие сентиментализма и становление романтизма. Многие иронично использовали клише из «Поэм» в своих произведениях: так, скажем, поступил А. С. Пушкин в «Руслане и Людмиле», хотя в период учёбы в Царскосельском Лицее он искренне восхищался литературным наследием Макферсона, особенно в широко известном тогда переводе Е. И. Кострова, который многие считали лучше оригинала [2].

Так, например, стихотворение Пушкина «Осгар» – одно из нескольких, написанных в духе Оссиана – является авторской интерпретацией событий, описанных в «Поэмах», и интерпретацией, надо сказать, выполненной с огромным вниманием и с не меньшим уважением к первоисточнику. В произведении гибель сына Оссиана, Оскара (Осгара, согласно Пушкину), косвенно связывается с изменой его возлюбленной, Мальвины, с неким Звигнелом (его имя в оригинале не упоминается, и иной информации, связанной с этим персонажем, нам найти не удалось). Довольно ожидаемое окончание сюжета – герой Осгар, чьё сердце разбито, погибает в сражении. Справедливости ради стоит заметить, что Оскар в оригинале погибает по иной причине, хотя, конечно, не менее героически. Мальвина становится спутницей отцу возлюбленного и сопровождает старого барда в его странствиях. От имени Оссиана Макферсон посвящает ей некоторое количество текстов [3, с. 101–107].

Интересно, что имя Мальвины благодаря шотландскому поэту прижилось и неплохо распространилось в Европе. Его происхождение чаще всего объясняют шотландским словосочетанием «Mala mhìn» («mala» означает «бровь», «mhìn» – «гладкий», словосочетание с учётом начальной мутации во втором слове читается как «малэ винь») [5]. Интересно также то, что в «Золотом ключике, или Приключениях Буратино» А. Н. Толстого это имя достаётся девочке с голубыми волосами, которая живёт в лесу вместе с собакой. С учётом того, что голубой в кельтском сознании ассоциируется со всем потусторонним, а собаки в мифологии тоже очень часто встречаются (здесь можно вспомнить и историю Кухулина, который как раз благодаря псу и получил своё наиболее известное имя, и гончих Финна Мак Кула, Брана и Шкёлана, и Собак Аннуина из валлийских

легенд), можно себе представить, какие эмоции вызвала бы привычная всем с детства Мальвина у какого-нибудь современника Макферсона. Специально ли автор истории о Буратино создал свою героиню именно такой, сказать трудно, но совпадение весьма занятное.

Всё вышеперечисленное – только малая часть того наследия, которое осталось в русской литературе благодаря тем её деятелям, которые вдохновлялись работами Макферсона. Каково бы ни было мнение о шотландском поэте и его литературном наследии, каждый, кто подражал ему, а тем более он сам, становились тоже в какой-то степени бардами – и рассказывали свои истории уже совершенно по-новому. Так мог бы их рассказывать настоящий Оссиан, чьи произведения, возможно, и сегодня передаются верными традициям людьми из поколения в поколение. Значит, цели своей поэт, полагаем, добился.

#### Библиографические ссылки

1. Елепова, М. Рецепция оссианизма в русской поэзии в первой трети XIX века / М. Елепова // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/retseptsiya-ossianizma-v-russkoy-poezii-pervoy-treti-xix-veka/viewer>. – Дата доступа: 12.12.2021.
2. Левин, Ю. Оссиан в России / Ю. Левин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/levin-ossian-v-rossii.htm> – Дата доступа: 12.12.2021.
3. Макферсон, Дж. Поэмы Оссиана / Дж. Макферсон. – Ленинград : Наука, 1983. – 585 с.
4. Оссианизм // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/literature/text/2681450>. – Дата доступа: 12.12.2021.
5. LearnGaelic Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://learngaelic.scot/dictionary/>. – Дата доступа: 12.12.2021.